

ЦАРОДЕЙКА ПО ВЫЗОВУ

Мариана Конте

Чародейка по вызову

«Автор»

2026

Конте М.

Чародейка по вызову / М. Конте — «Автор», 2026

Я — лицензированная чародейка. За деньги снимаю проклятия, чиню чужие чары и решаю магические проблемы, которые люди почему-то предпочитают создавать себе сами. Работа у меня была вполне понятная. Пока один обаятельный бард не предложил найти легендарную лиру, способную превратить любую песню в шедевр. Звучало как хороший заказ. Один поисковый ритуал, и деньги в кармане! Но вот ритуал почему-то не сработал, а контракт уже подписан. Придётся как-то выкручиваться!

© Конте М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.1	5
Глава 1.2	7
Глава 2.1	10
Глава 2.2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мариана Конте

Чародейка по вызову

Глава 1.1

— Мне бы зятя проклясть. Только чтоб дочке лучше жилось.

Женщина, что назвалась Агатой, положила на мой стол узелок. Внутри что-то глухо стукнуло, но на голову зятя не похоже.

— С выпивкой помогу, но хорошего зятя одним заклинанием не сделать.

Агата отодвинулась, будто я пожалела ей дрожжей.

Ида Мейр, старшая чародейка нашего бюро, принесла чай и разлила по чашкам.

— Дык я за этим и пришла, милая. Чтоб не пил, деньги нёс в дом, жену свою помнил. Вы ж эти, как их, ведутки, во! — напевно сказала Агата.

Ида остановилась с чашкой над столом.

— Вчера были чародейками, — поправила она. — Но если вдруг новое название повышает жалованье, я готова выслушать.

— Ну, в деревне так кличут. От «ведьма» и... ну, той бабы, что за деньги...

— Решает чужие проблемы! — воскликнула Ида. — Как приятно. А я-то боялась, что вы скажете что-нибудь обидное.

Я спрятала улыбку за заявкой на имя Томаса Келла, проблемного зятя. В графе «Цель» со слов Агаты стояло: «Чтобы взялся наконец за ум».

— Вот этот пункт мы пока вычеркнем. Расскажите лучше, как часто Томас пьёт.

— Дык, почитай, каждый день. Элиза, дочка моя, говорит, пять вечеров, а иную неделю и все шесть. Меня-то он с собой не зовёт, чай, не больно рад теще. Уж на те деньги, что он пропивает, муки бы взяли да сапоги ей. Там подошва отходит, а она всё: «До следующего жалованья, мама». Какое там жалованье, коли он его вперёд пропивает? Хлеб нынче будто с золотом пекут. Денег у меня мало, но зато мука своя. Я мешочек привезла, вдруг зачтёте?

Мешочек стоял у её ног. В узелке на столе были яйца, и одно треснуло в дороге.

— За приём? — спросила я.

— За всё. Ещё полотно есть. Сама ткала, не рыночное.

Ида сняла блюдо с подоконника и подставила под яйцо.

— Наш управляющий любит плату в монетах. Ткать он из них не умеет, зато складывает удивительно ровно!

Агата затянула тесёмку и придвинула узелок к себе.

— Значит, зря тащилась...

— Вообще-то есть один вариант. За расходники нам всё равно нужно будет заплатить. Но не обязательно отдавать всю сумму сегодня.

Из окна было видно, как булочник меняет дощечку с ценой. Вчерашнюю он даже не стёр, только развернул к стене. Мне и самой жалованье обещали только в конце недели, так что благородно простить Агате всё за чужой счёт я не могла.

Разделила оплату на две части. Первую покрывали монеты, которые она уже вытряхнула на стол. Вторую предложила внести после следующего жалованья дочери. Обе суммы назвала вслух, потому что Агата считать яйца и мешки умела лучше, чем читать.

— А если Томас опять деньги заберёт?

— Это нужно обсудить с Элизой. Никакие чары не вернут заработанное и не спрячут его от мужа.

Агата разом перестала поправлять платок.

— Она мне на дорогу и дала. Велела всё разузнать. А сама прийти не смогла, мол, работать надо.

— Тогда передайте ей все условия. В том числе — что чары не заставят Томаса вернуться домой.

Ида достала чистую карточку.

— Стоимость, сроки и ограничения напишу крупно. Чтобы домашний пересказ вдруг внезапно не повысил наши способности.

Ида всё-таки купила у неё яйца для себя. Агата оставила их у окна и распрямилась.

Про долги и пьянство было понятно, а вот о доме она заговорила тише:

— Руками не трогает, нет. Ругается, конечно, как Элиза про деньги спросит, но не бьёт.

— Приписывать побои я не стану, но и ждать, пока до этого дойдёт, не нужно.

— Да ты уж посильнее сделай. Он у нас упрямый, что баран у ворот.

— Тошноту, слабость, головную боль и отвращение гарантирую. Сильнее этого — опасно. Не для того мы убираем пьянство, чтобы Элиза потом на похоронные собирала. Чары будут действовать три месяца, затем, при необходимости, придётся повторить.

— Стало быть, опять потом за старое возьмётся?

— Это он сам решит. Совесть у нас в стоимость не входит.

— Так сделай, чтоб жену любил!

— Заставлять любить кого-то нельзя. С ним всё равно придётся говорить.

— А ежели он трезвый домой всё равно не пойдёт?

— Тогда вы хотя бы узнаете, что дело не в одном вине. Наверное, есть и другая причина.

Элиза с этим разберётся.

— Решать-то ей, — тихо сказала Агата. — Я всё велю да велю. Она уж не девочка.

Ида повернула к ней чашку ручкой и подождала, пока Агата отпьёт.

— Ай, ну тебя, делай, что умеешь.

Ещё раз вслух прочла сроки и условия. Агата вывела фамилию и едва не промокнула чернила платком.

— Он-то согласия не даст, — сказала она, наблюдая за пятном.

— Все основания мы уже проверили, так что его согласие не требуется. Но разрешение у вас только на выпивку.

— Жаль, — вздохнула она. — Уж больно многое не нравится.

Агата описала мужчину под сорок, с тёмными волосами и в сером сюртуке. Томас сидел в «Медном дрозде». По таким приметам можно собрать полтаверны.

— Может, какие-то особые приметы есть?

— Ворот он криво застёгивает. Элиза поправит, а он опять!

Я взяла сумку. Ида сунула мне амулет:

— Если трезвость объявит подвигом, медали не выдавай. На просветление личности твоего жалованья не хватит.

Ида оставила Агату дожидаться и налила ей ещё чаю. Это пока ещё было бесплатно.

Прежде чем я ушла, Агата попросила ещё об одном:

— Он про тебя знает. С утра пошёл в трактир бахвалиться, как всех перехитрит.

— А это мы ещё посмотрим, — ответила я.

Глава 1.2

У «Медного дрозда» птица на вывеске щёлкала клювом, зазывая клиентов, но торговка орехами рядом щёлкнула языком громче. Внутри пахло жареным луком, а светильники поворачивались каждый за своим столом.

К счастью, кривой ворот был только у одного посетителя. Томас сидел с почти пустой кружкой у помоста. Музыкант закончил куплет, зал подхватил припев — идеальное время для работы.

— Томас Келл?

Томас взглянул на рабочую сумку.

— Нет.

— Тогда мне нужен другой человек с таким воротом. Надеюсь, он будет приветливее.

Соседний стол хмыкнул, и Томас сдался:

— Чего надо?

— Нора Реннер, «Три печати», — я показала лицензию. — Чары от пьянства, по заказу Агаты.

— Добралась всё-таки, старая...

Томас выхватил у меня предписание о наложении чар, разорвал и швырнул обратно.

— У меня и копии есть.

— А я ничего не подписывал! Тёща наговорила, а вы сразу человеку жизнь калечить?

— Только изменить реакцию на алкоголь. Память, характер, желания останутся вашими.

И сначала мы всё сверим. Говорите, Агата солгала?

— Всё враки!

Музыкант сошёл с помоста за пивом, но задержался у нас.

— Том, ты хоть одну ошибку назови. А то она сейчас подумает, что тёща у тебя святая.

В среду тебя не было, так скажи про среду!

— Ты играй давай, не лезь.

— Уже сыграл. Скажи про среду — и уйду.

Музыкант дождался ответа. Я уточнила расходы и пропуски работы. Выяснилось, Агата даже преуменьшила сумму. Пришлось воспользоваться подсказкой барда.

Томас ткнул в музыканта пальцем:

— Самый умный? Ты же наливал!

— Это было в пятницу, а в субботу я отказал. Так ты назвал мою музыку завываньем мокрого кота! Это все помнят! — обратился он к посетителям.

Музыкант не улыбался. От этого Томас наконец посмотрел на меня.

— На работу я хожу. Ну пропустил два дня, и что. Теперь всем пальцем в меня тыкать будете?

— Домой вчера сколько принесли?

— Принёс бы, если б хозяин рассчитался.

Из-за стойки отозвались: рассчитался. Томас потребовал не вмешиваться. Получалось, вмешиваться нельзя никому, кто знал хоть что-то.

Я передвинула стул так, чтобы соседний стол не разглядывал записи. Томас заметил интерес публики и заговорил тише. Он назвал сумму, которую отдал Элизе. Остальное ушло на старый долг и посиделки здесь. Суммы сошлись. О том, как Элиза прожила на оставшиеся деньги, он ничего не сказал.

— Агата думает, вы меня заставите слушаться, — сказал он.

— Агата много думает. Заказ у нас только на пьянство.

— А если она потом снова придёт?

— Объясним ей, где наша работа заканчивается.

Музыкант вернулся на край помоста. Пока Томас ругался с тёщей в её отсутствие, женщина у окна поманила барда к себе. Он присел, наклонился поближе. Та шепнула ему что-то на ушко, и бард коротко рассмеялся, без того раскатистого смеха, которым требуют внимания всего зала. Женщина потянула его за рукав, но он высвободился, указал на лютню и что-то коротко сказал. Она согласно кивнула.

— И что теперь? — отвлёк меня Томас.

— Проверю, безопасны ли чары, и выполню заказ.

— А если я сбегу?

— Позову стражу. Предписание законное.

— Ненавижу магов...

— Сегодня точно не полюбите.

Томас следил за перчатками, будто я могла подсунуть тещу ему в кружку. Два ровных отклика маятника подтвердили, что чары ему не повредят.

— Больно будет?

Я покачала головой.

— Уберите кружку, пожалуйста. Мне нужна чистая поверхность для знака.

Томас демонстративно сделал последний глоток. Пиво исчезло, как вода в сухой земле.

В меловой знак встали флакон со спиртом и ладонь Томаса. Линии вспыхнули, я вытянула амулет и произнесла слова заклинания. Жидкость во флаконе помутнела, подтверждая, что чары сработали.

Он покрутил запястьем:

— И всё? Ничего не чувствую.

— Это пока не пьёте.

Я попросила принести ещё глоток. Нужно было проверить, что чары работают правильно. Томас объёмами был недоволен, но всё же выпил и тут же поморщился.

— Что...

— Это тошнота, Томас. Она пройдёт. Только больше не пейте!

Томас резко поднялся и, опрокинув стул бедром, побежал в уборную. Хозяин забрал кружку.

— Он там не умрёт? — спросил хозяин.

— Нет. Воды ему принесите.

— Жаль! — сказал кто-то из посетителей.

— Не жаль, — отозвался хозяин. — Он мне ещё должен.

— А за проигрыш тоже чары бывают? — донеслось из-за соседнего стола.

— Нет, но бывают люди, которые по каким-то причинам вдруг перестают садиться за карты, — пояснила я.

— Во до чего магия дошла!

Вскоре Томас вернулся и напомнил всем, что карты вообще-то ему не запрещены. Я убрала флакон из-под его локтя.

Музыкант принёс воду сам и поставил ему на край стола.

— За песни потом. Сегодня с тебя всё равно не вытрясу.

— Никогда не вытрясешь.

— Тогда буду петь тебе в долг, пока не разбогатеешь от трезвости. Представляешь, сколько куплетов выйдет?

Томас был бледнее мела. Музыкант его раздражал, но воду тот выпил, а после потребовал снять чары.

— Нельзя. Три месяца минимум.

— Передайте Агате...

— Сами. Когда сможете без брани.

Домой ему предстояло идти трезвым и с долгом. От этого чары не лечили. Томас попросил налить ему чаю, и вокруг засмеялись.

— И карты, — добавил он.

— Домой-то когда пойдёшь? Жена уж заждалась, небось, — подначивал кто-то из зала.

— Отвали.

Я стёрла знак со стола и уже собралась уходить, когда услышала:

— Госпожа чародейка?

Музыкант придержал дверь. Я оглядела его. Вблизи слегка кривоватый нос и мозоли на руках виднелись лучше.

— Если вы из-за Томаса, жалобы принимают в бюро.

— От него мне нужны деньги за две песни. Жаловаться я не собираюсь.

Томас с другого конца зала показал ему неприличный жест. Музыкант ехидно улыбнулся и показал в ответ два пальца — видимо, напоминая количество песен.

— Долги мы не выбиваем.

— Есть работа поинтереснее. Берётесь искать пропавшие волшебные вещи?

— Насколько пропавшие? — заинтересовалась я.

— Его не могут найти почти двести лет.

Глава 2.1

— Чего же? Берусь, если есть за что зацепиться. Расскажите, что ищете. И откуда знаете про волшебство и эти «двести лет».

Музыкант улыбнулся.

— Вот это наш разговор! Томас ещё не отдышался, а вы уже за следующий заказ. Ловко! Томас сидел над чаем и картами, точно вместе с выпивкой у него отняли остальные удовольствия.

— Присядем? Тут история длинная, в двух словах не объяснить.

До обеда я уже не успевала вернуться в бюро. Мы заняли стол у окна, музыкант поставил рядом футляр и повернулся ко мне.

— Леон Хартен. Ваше имя я на лицензии прочёл, но всё-таки... — он протянул руку.

— Нора Реннер.

Ладонь была шершавой от струн. Леон поставил лютню так, чтобы никто не запнулся и позвал хозяина.

— Воды, — сказала я.

Леон заказал себе ещё пива. Я посмотрела на него, потом на Томаса в дальнем углу.

— Не переживайте, — сказал Леон. — Меня пока никто не нанял заколдовывать.

— Уже хорошо.

— А Том вас испугался. Сразу понял, что хорошего будет мало.

— Приятнее сделать я не могла. Хоть объяснила, а многие и этого бы делать не стали. Но если вы отвечаете на вопросы за него, я получаю ваши сведения. А мне нужно знать, что он думает.

— Я только дал ему, за что можно зацепиться. Он сам заговорил, а вы потом проверили. Разве это плохо?

Он говорил спокойным, мелодичным голосом, как будто помочь мне было так же просто, как подсказать слова песни.

— Дождитесь моей просьбы, прежде чем помогать.

— Постараюсь. Только если вы попросите не помогать, мне придётся сначала подумать, как повернуть фокус, — улыбнулся он.

— Что будем искать?

— Лиру. В музыкальную лавку не отправляйте. Такой больше нигде не найдёшь!

— И чем же она особенная?

Бард наклонился поближе:

— Говорят, будто на ней нельзя сыграть плохо. Старый рассказ, в каждом трактире свой. Но про музыку везде одно и то же.

— Вообще нельзя? — уточнила я.

— Промануться-то по струне можно. Забыть полпесни — тоже. А человек всё равно услышит что-то прекрасное, — он раскинулся на стуле. — Так говорят. Понимайте, как хотите, но я бы проверил.

Принесли воду и пиво. Леон отодвинул бокал подальше.

— И вы решили проверить это у специалиста, который только что испортил удовольствие от выпивки?

— Том вас терпеть не может, а вы всё равно остались объяснять. Не просто махнули палочкой и ушли. Мне как раз такой человек и нужен. Которому не всё равно.

Я достала чистую карточку заказа.

— Допустим, такая лира существует, — сказала я. — Зачем она вам?

— Я бард. И мне всё это порядком осточертело.

Он кивнул на зал.

— Кормят здесь неплохо, а вот платят — когда как. Но я хочу свою аудиторию и зал, куда приходят слушать меня. Именно меня, понимаете? Пусть хоть раз ужин и выпивка подождут, пока я допою.

— Но вы даже не знаете, правда ли это. Почему тогда готовы платить?

— Потому что хороших музыкантов много, больших сцен мало, а мой человек может десять лет заходить не в ту таверну. Играю я прилично, но хочу, чтобы это услышали и за пределами «Дрозда».

— И вас даже не смущает, что магия сделает то, чего вы сами пока не умеете?

Он перестал вращать бокал.

— Пока я научусь всему, здесь и состарюсь. Играть эту лиру вместо меня я не прошу. Мне бы только попасть туда, где меня услышат. А насчёт цены... сначала найдите эту штуку.

Последние слова он произнёс уже не так легко.

— И таверны бы выбирать по кухне, чтобы о плате уже не пришлось спорить. Можете в договоре назвать это как-то поприличнее.

— Сначала проверим, есть ли что искать, помимо красивого рассказа.

— У меня есть кое-что получше легенды.

Тут Леон посерьёзней. Он достал из внутреннего кармана сюртука плоский кожаный чехол.

— Только никому не говорите о том, что я вам сейчас покажу.

Я кивнула:

— Профессиональная тайна.

— Один путник рассказывал про неё в трактире. Его подняли на смех: мол, опять из какого-то старья чудо делает. Тогда он показал эту бумагу. Никто не поверил, а я запомнил. Позже сели за карты, так я у него эту бумагу и выиграл.

— В карты?

— Свезло. Обычно все деньги проигрываю, а тут хоть что-то!

Он положил передо мной старое письмо. Я рассмотрела его поближе. Бумага, сгибы и выцветшие чернила выглядели убедительнее любой искусственной «древности».

— Проверяли?

— Оскар Рисс смотрел. Историк. Сказал, бумага старая, чернила тоже. В письме упоминается речная застава в Мерране. Он нашёл её в какой-то книге и показал мне страницы.

Подпись: «Элиас Х.». Автор писал о лире как о существующей вещи. Я захотела проверить письмо и выяснить, кто он.

— Почему не попросили Оскара помочь в поисках?

— Он же историк. В книгах умеет искать, в архивах, но даже там лиру пока не нашёл. А вам, может, бумага сама что-нибудь покажет.

— Поисковая магия не исполняет просьбу «найди легенду». Нужна вещь, на которой сохранился след магии лиры.

— Письмо разве не сгодится? А то жалко: впервые выиграл что-нибудь стоящее, а оно окажется сказкой.

Я перевернула лист. Следов современной магической обработки не было — по крайней мере, тех, которые можно увидеть за трактирным столом.

— Завтра проверю в бюро. Это платно, даже если письмо не поможет.

— За разбитые надежды тоже полагается плата?

— За проверку. Иногда она спасает от куда больших расходов.

Лист размягчился на сгибах в труху, а край кто-то подклеил. Я свернула письмо по старым заломам.

— Может, сразу договоримся? Ждать нет терпения.

— Сначала проверю. Если письмо годится, завтра же подпишем договор и начнём искать.

Я дала карточку бюро:

— В девять. Принесите письмо и всё, что знаете о лире.

— Тогда до завтра, Нора. Спасибо тебе.

— Буду ждать.

Старое письмо ещё ничего не обещало, зато человек, который его берёт, уже был готов заплатить.

Глава 2.2

Ровно в девять Леон положил письмо на стол, а лютню прислонил к соседнему стулу.

— Что это был за путник, ты не помнишь? Где он сам взял письмо?

— Не спросил. Теперь бы спросил, конечно, но он уже ушёл, и с тех пор я его не видел.

— Кто ещё видел оригинал? Копии есть?

— Оскар видел. Копию сделал себе, вторую отдал мне.

— С письмом ещё какие-нибудь бумаги достались?

— Нет. Только оно. Я думал, вы тут сразу колдовать начнёте.

— Начала вчера, так Томасу не понравилось. Так что сначала вопросы.

Я поднесла к письму поисковый указатель. Ровный свет подтвердил, что на бумаге сохранился старый след лиры. Поздних изменений прибор не обнаружил. Можно начинать.

— Связь с предметом сохранилась. Значит, двести лет назад лиру не просто выдумали. Она существует или, по крайней мере, была.

Леон не сразу отозвался. Подвинул стул ближе, словно у указателя можно было выпросить ещё что-нибудь.

— Значит, я не совсем дурак.

— Значит, письмо помнит предмет. На этом пока всё.

— Нора, дай хоть минуту побыть не совсем дураком. Потом объясняй плохое.

Я убрала руку от прибора. Леон засмеялся и откинулся на спинку стула.

— Минуту дам. Договор от неё лучше не станет, предупреждаю сразу.

— У тебя хорошие новости всегда приходят с удочкой?

В приёмной хлопнула дверь. Ида пыталась объяснить посетителю, что заочно снять проклятие с соседа нельзя, особенно если единственное доказательство — соседская яблоня, плодоносящая лучше собственной.

Леон слушал с таким интересом, что мне пришлось закрыть дверь кабинета.

— Если у тебя тоже яблоня, лучше сейчас скажи.

— У меня даже двора нет. Но соседу я уже сочувствую.

Мы вернулись к плате. На слове «страховка» Леон нахмурился сильнее, чем на цене компонентов.

— Кого страхуем? Меня, твой пол или эту бумагу?

Я объяснила на простом примере. Если правильно выбранный знак повредит пол, часть расходов покроет страховщик. Если же сознательно полезу в запрещённые чары, никто не заплатит вместо меня. А я не полезу.

— А если лира опасна и меня самого заколдует?

— Это не входит в пробный поиск. Мы её ещё не нашли. За такое нам могут и запретить даже браться. Такие находки передают специалистам по опасным артефактам.

Он придержал письмо за угол, когда я потянулась к нему.

В цену пробного ритуала входили компоненты, аренда комнаты, моя работа и страховка. Леон спросил, платят ли только за найденное.

— За работу. Результат до проверки я обещать не могу.

Он отсчитал предоплату. В кошельке осталось всего несколько монет.

— На жизнь себе оставь. Поиск может затянуться.

— Не ради этого копил. Только чудо из жалости не обещаю, мне этого не надо.

— Платим по этапам. После проверки можешь остановить поиск. И ещё: найти лиру не значит, что тебе разрешат её забрать.

— А я-то уже собрался хвалить ваше бюро всем знакомым.

Потянувшись к договору, я чуть не опрокинула чернильницу. Леон поймал её за горлышко. Пока что удача была на его стороне.

— Обо всём, что знаешь, сообщай сразу. О прежних владельцах, попытках поиска, даже о том, что кажется ерундой.

— Никто, кроме Оскара, не помогал.

— А о самой лире что-нибудь ещё знаешь?

— Больше ничего.

— Если вспомнишь что-нибудь или узнаешь, говори сразу.

Попросила его своими словами записать, за что он платит. Обычно здесь клиенты старались повторить мои формулировки, будто за неверный ответ я возьму ещё монету.

— Я плачу за попытку найти путь, — проговорил Леон, записывая согласие в договор. — Если не выйдет, мне покажут, что делали. Если выйдет, мы сначала выясним, можно ли туда соваться. Лиру мне не дарят. Даже если я очень мило попрошу.

— Последнее можешь не записывать.

— Как? Это моё главное умение.

— На поисковую схему не подействует.

— В трактире работает.

Я протянула ему перо.

Из приёмной Ида позвала меня проверить огонёк ритуальной. Леон остался у стола. Когда я вернулась, он читал выданные ему условия и отметил ногтем строку об остановке работы. Села рядом, чтобы объяснить её.

Мы подписали договор. У стойки Ида забрала свой экземпляр и оценила Леона взглядом человека, которому довелось принимать заказчиков рассерженных, разорившихся и одержимых.

— Если лира найдётся и окажется опасной, вы получите бесценный опыт, — сказала она. — Денег он не вернёт, зато сколько воспоминаний!

— Ну вот, будет хоть рассказ. Осталось найти, кто меня им накормит, — Леон положил перо рядом с договором.

— Хуже было бы, если б я обещала вам всё. Тогда вам следовало бы проверить, на месте ли кошель. Нора предупредила об ограничениях?

— Предупредила, — ответил он, посмотрев на меня.

Ида вернула копию. Леон убрал её в чехол вместе с письмом и поблагодарил.

Мы подошли к ритуальной, откуда доносились глухие стуки и яростное рычание.

— Странно... Уже должны были закончить. Ладно, советую близко не подходить. Там маг всё ещё снимает чары с заколдованного сундука. Не хотелось бы, чтобы он откусил тебе палец.

— Маг?

— Сундук. Придётся завтра утром, — сказала я. — Сегодня не запущу поиск, пока мастер не закончит.

Леон открыл рот и тут же закрыл без возражений.

— Лучик надежды на ночь оставляешь мне?

— Письмо тоже. Приходи в девять.

— Приду в восемь пятьдесят. На случай, если сундук к завтраку проголодается.

Когда он вышел, Ида положила на договор грузик.

— Этот хотя бы спросил, за что платит, а не «почему так дорого».

По дороге домой я всё перебирала рассказ Леона. И всё-таки связь сохранилась. К утру предстояло узнать, почему за двести лет она никого так и не привела к лире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.